

Н. Н. Власова

МАГИ (ФАНШИ) В ОФИЦИАЛЬНОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ.

БИОГРАФИЯ ГУАНЬ ЛУ.

ЧАСТЬ 2

В первой части статьи мы рассмотрели ту роль, которую играли маги-фанши в жизни Древнего Китая, а теперь хотелось бы проанализировать детально биографию одного из наиболее ярких представителей магов-фанши, жившего в период Троецарствия.

Прославленный гадалец Гуань Лу (管輅) родился в округе Пинъюань (平原) на территории современной провинции Шаньдун (山東). Некогда этот регион был частью царства Ци (齊), родиной многих фанши, так что, возможно, интерес Гуань Лу к магии возник не случайно. Вот что говорится по этому поводу в официальной биографии Гуань Лу: «Гуань Лу, второе имя Гунмин, уроженец Пинъюань. Внешность его была уродлива, он не владел хорошими манерами и любил выпить, много ел, пил, болтал и шутил без разбору, люди его жалели, но не уважали» [1, т. 2, с. 1164]. Что касается уродливой внешности, то данное замечание не должно смущать потенциального читателя, поскольку, если европейский родитель, глядя на уродство отпрыска, задумывался, а не сделает ли тот карьеру в бродячем цирке, китайцы должны были возрадоваться, поскольку по принципам китайской физиогномики не слишком привлекательная наружность сулила великие свершения в будущем, поскольку являлась признаком незаурядной личности. Однако нужно учитывать, что подобное описание — клише. К моменту составления официальной биографии сложилось определенное «лекало», и именно так было принято описывать фанши. В иной тональности звучит начало неофициального жизнеописания Гуань Лу: «Когда Лу было восемь или девять лет, он любил смотреть на небо и наблюдать за созвездиями. Если находил кого-то [знающего], то спрашивал их названия, а по ночам не хотел идти спать. Родители запрещали это, но не могли остановить его. Сам он говорил: “Хоть я и мал, но смотреть на небесные узоры — радость для глаз”. Часто говорил: “Домашние курицы и дикie лебеди и те ориентируются во временах года, а уж человек и тем более должен!” Когда он играл в поле с соседскими детьми, то на земле рисовал карту неба, добавлял солнце, луну и звезды. Отвечал на все вопросы и объяснял все события, и речи его были так необычны, что даже умудренные опытом старики не могли противостоять ему, и все знали, что у него великий необычный талант. Когда он повзрослел, то изучил принципы “Книги перемен”, наблюдения за звездами, гаданий по направлению ветра, других гаданий и физиогномики до мельчайших деталей. По натуре он был великодушен и много натерпелся, много вынес; к тем, кто ненавидел его, он не относился как к врагам, но не восхвалял и тех, кто любил его, и всегда старался платить добром на обиду. Он часто говорил: “Для человека самое главное — преданность, сыновья почтительность, искренность и верность долгу, эти качества должны быть сильно развиты, безупречность, утонченность и истовость — лишние украшения для образованного

человека, не стоит за ними гнаться”. Еще он говорил: “Чем меньше меня знают, тем я драгоценнее; разве можно прервать течение Янцзы и Ханьшуй, усмирив стремнину? Я рад был бы обсудить Дао с Сыма Цзычжу¹, не хочу делить лодку с отцом-рыбаком², таково мое желание”. Он с почтением относился к родителям, сердечно к братьям, любил и уважал своих друзей-ученых, был гуманным, дружественным, незаурядным и справедливым, и в итоге ни в чем не было пробелов» [1, т. 2, с. 1164]. Описание, составленное младшим братом Гуань Лу, больше похоже на типичное начало жизнеописания достойного чиновника: способности, которые были заметны еще в раннем возрасте, одобрение старших, намек на великое будущее, верность конфуцианским добродетелям. Как отмечает Мейер, официальное жизнеописание Гуань Лу было составлено через тридцать лет после его безвременной кончины, и, возможно, младший брат ознакомился с биографией, которую собирались включить в династийную историю, а потому составил неофициальное описание таким образом, чтобы сохранить лицо брата, а значит и всей семьи [2, с. 60].

Про отца Гуань Лу говорится, что он тоже занимал чиновничью должность, но, скорее всего, он был одним из первых в роду, кого привлекли на службу, иначе Гуань Чэнь непременно упомянул бы этот факт в неофициальной биографии своего знаменитого старшего брата. Вполне возможно, что отца Гуань Лу привлекли на службу во время восстания Желтых повязок, начавшегося в 184 г. и ставшего причиной падения династии Хань, поскольку власть в тот момент испытывала дефицит чиновников.

Далее в жизнеописании Гуань Лу приводится ряд событий, подтверждающих его необычные способности, при этом в официальной биографии факты перечисляются довольно сжато и сухо, а неофициальная изобилует подробностями. Вот, например, история в духе судьи Ди: «Отец служил в Лицао, и живший там Го Эн и два его брата хромали на обе ноги. Лу попросили погадать на тысячелистнике о причинах недуга. Он сказал: “Гексаграмма говорит, что в вашей семейной гробнице поселился дух женщины, это или жена старшего брата отца, или жена младшего. Во время голода некто замыслил заполучить ее нескольких шэнов риса, столкнул ее в колодец, женщина вскрикнула, и он столкнул большой камень, который упал и разможил ей голову, ее одинокий дух страдает от обиды и пожаловался на небо”. Эн тут же разрыдался и подтвердил, что такое преступление было совершено» [1, т. 2, с. 1164]. Этот же эпизод, рассказывающий о страшных событиях во время восстания Желтых повязок, когда нравственные ориентиры общества сместились, слово в слово встречаем и в «Записках о поисках духов» (цз. 3). Из неофициальной истории узнаем подробности: «Житель Лицао Го Эн, второе имя которого И-бо, был талантливым и образованным, разбирался в “Книге перемен”, “Чуньцю” и знал астрономию. Лу от И-бо учился “Книге перемен”, но уже через несколько недель у него стали появляться свои мысли, и в объяснении сложного он превзошел учителя. Когда он разделял стебельки тысячелистника и определял триграммы, то поражал своими мыслительными способностями и предсказал болезни и смерти, нищету и богатство и закат для каждого из студентов школы, и с самого начала не было ошибок, все удивились и назвали его святым. Еще он у И-бо учился астрономии, тридцать дней не спал все ночи, и сказал И-бо: “Господин, мы с вами обсуждали лишь то, что касается [уровня] захолустья, а если дойдет до судьбоносных

¹ Прославленный гадатель из царства Чу, фигурирующий в 127 цзюани «Шицзи».

² Отец-рыбак — персонаж известного произведения великого поэта Цюй Юаня, чьи суждения о бесконфликтности как жизненной позиции часто соотносят с даосским мировоззрением.

событий и обсуждения катастроф и странностей, то я должен опираться на свои природные способности”. Они не прозанимались и года, и наоборот И-бо стал спрашивать у Лу суть изложенного в “Книге перемен” и небесных явлений, и не раз отталкивал прочь столик для бумаг в порыве восхищения. Сам И-бо говорил: “Когда я впервые услышал ваши совершенные объяснения, то забыл о своем недуге, как же велика разница меж светом и тьмой!”. И-бо в роли хозяина пригласил Лу в качестве единственного гостя и рассказал о несчастье: “Я и два моих брата хромаем на обе ноги, но не знаем причину. Хотим, чтобы вы попробовали погадать и понять, откуда взялся недуг. Если кто-то повинен в увечье, то небо должно простить его, а я буду молиться богам о лучшей доле и ничего не пожалею. Если братья снова будут ходить, это станет перерождением”. Лу погадал, но не понял, что значат триграммы, вечерело, и он остался ночевать, а в середине ночи сказал И-бо: “Я понял, в чем дело!”. Когда он объяснил суть И-бо, тот горько заплакал, и от слез промокла одежда, и сказал: “Это действительно случилось на закате династии Хань. Вы не назвали имени предка, потому что это табу, и я не назову в соответствии с ритуалом. Братья хромали на обе ноги тридцать с лишним лет, их ноги стали как сухие ветки, и их уже не вылечить, но, надеюсь, недуг не перейдет к сыновьям и внукам”. Лу сказал, что стихия огня не истощилась, а от стихии воды ничего не осталось, и недуг не перейдет к следующим поколениям» [1, т. 2, с. 1164].

Как уже говорилось, мантика была одним из основных занятий китайского мага-фанши. Гуань Лу прославился в первую очередь как талантливый прорицатель, и владел он, как следует из текста, сразу несколькими техниками. К примеру, упомянутое выше гадание на тысячелистнике ши (筮), или ахиллеомантика, с помощью которого Гуань Лу выяснил причину недуга Го Эна и его братьев, — одна из ранних разновидностей гаданий, которую принято связывать с «Книгой перемен». Сам иероглиф «ши» очень примечателен: это изображение шамана (巫), который использует для своих манипуляций растение (竹). Суть процедуры гадания по стеблям тысячелистника такова: гадатель, взяв пятьдесят стеблей тысячелистника, производит ряд операций по специальному регламенту, в результате чего остается определенное количество стеблей, которое определяет тип первой черты гексаграммы; повторив операцию шесть раз, гадающий выстраивает снизу вверх всю гексаграмму и тогда уже приступает непосредственно к толкованию. Данная гадательная техника постепенно вытеснила скапулимантику (гадание на костях животных) и приобрела немалую популярность благодаря относительной простоте. Вот еще один эпизод, подтверждающий мастерство Гуань Лу в гадании на тысячелистнике: «В Гуанпин супруга Лю Фэн-линя серьезно заболела, ей уже купили гроб. В первом месяце по лунному календарю Гуань Лу попросили погадать, и он сказал: “Ей предначертано судьбой умереть в двадцать восьмой день восьмого месяца в полдень”. [Фэн-]линь возразил, что это невозможно, но жена потихоньку стала поправляться, и ей стало хуже к осени, как и предсказывал Гуань Лу» [1, т. 2, с. 1164]. Неофициальная биография продолжает: «Бао Цзы-чунь был начальником уезда в Лежэнь. Он обладал ясным умом и способностью к умозаключениям. Встретившись с Лу, он сказал: “Я слышал, что Вы предсказали день смерти супруги Лю Фэн-линя и насколько же замечательно [точно]! Я хотел бы попробовать обсудить смысл этого”. Лу рассказал о сути значений гексаграмм и о предначертанном самим Абсолютом пути любых трансформаций, порождений и смертей, и словно круг, проведенный циркулем, и квадрат, нарисованный по плотницкому угольнику, ничто не отступало от совершенства. Цзычунь сказал: “Когда я был молод, то любил

обсуждать “Книгу перемен”, а еще любил разделять стебли тысячелистника, однако я был как слепой, который хочет увидеть черное и белое, как глухой, который хочет услышать четкое и нечеткое, я прилагал усилия, но не преуспел, но, выслушав ваши объяснения, я увидел суть вещей; когда же сам пытался увидеть суть вещей, то вышла одна бестолковщина» [1, т. 2, с. 1164].

Однако Гуань Лу прекрасно владел и другими техниками, менее распространенными, например искусством ауспиции (лат. *auspicium*; *avis* — «птица», *spicere* или *sresio* — «смотреть, наблюдать»), т. е. гадания по поведению и крикам птиц. Подобное гадание было популярно в Древнем Риме. В государственном аппарате даже предусматривался чиновничий пост — чиновник-авгур должен был по полету птиц узнавать волю богов при начале всякого важного дела [3, с. 49]. В официальной биографии Гуань Лу описывается такой случай: «Гуань Лу пришел в дом начальника уезда Аньдэ Лю Чан-жэня, и тут на крышу села сорока и стала очень беспокойно кричать. Лу сказал: “Сорока говорит, что вчера на северо-востоке женщина убила мужа и хочет обвинить человека из дома на западе от нее по имени Ли Лоу. Не успеет солнце зайти за горизонт, как придут с обвинениями”. Когда наступил назначенный час, действительно пришел с северо-востока житель той же пятидворки и сообщил, что соседка своими руками убила мужа и обманула, сказав, что сосед питал обиду к мужу и убил его» [1, т. 2, с. 1164]. В неофициальной биографии говорится о том, что Небо может проявлять свою волю в том числе и через птичий щебет, поэтому и возможно подобное гадание: «Лю Чжан-жэнь, живший в Бохае, обладал красноречием. Он слышал, что Лу умеет понимать язык птиц, и потом каждый раз, когда встречался с Лу, опровергал его слова, говоря: “Звуки, издаваемые людьми, мы называем “речью”, а звуки птиц и животных — “криками”. Речь есть драгоценный дух мудрости, а крики — ничтожное наименование звуков бездумных созданий, как же можно принимать крики птиц за язык и смешивать их с удивительным порождением разума? Конфуций говорил: “Птицы и звери мне не ровня”. Это доказывает их ничтожество”. Лу отвечал: “Известно, что у Неба есть символы, но оно не может говорить. Поэтому оно наверху движет небесными телами, а внизу [направляет] потоки духовной силы, повелевает ветру и облакам отражать [происходящие] изменения и уполномочивает зверей и птиц, чтобы соединиться с духовной [основой]. Об изменениях можно гадать глубоко или поверхностно, в общении с духовной основой непременно прибегают к отражению [ее воли] в музыкальном ладу. Именно поэтому, когда Сун Сян утратил добродетель, шесть соколов вместе улетели, когда супруга князя чуть было не сгорела, именно птицы оповестили о том, что она горит, а перед тем как сгорели четыре царства, подул северо-восточный ветер и красные птицы окружили солнце, предвещая несчастье царству Чу³. Это значит, что Небо посылает свой знак, природа обнаруживает знамение. Если применять [этот подход] к четным и нечетным ступеням лада, то музыкальные звуки обретут основу [для постижения], добываясь этого в делах человеческих, не будешь знать урона ни в горе, ни в радости. Некогда предкам правителей Цинь за заслуги даровали титулы, и Гэ Лу услышал мычание коровы⁴, что

³ В главе 40 «Исторических записок» описывается, как однажды вокруг солнца появилось облако, похожее на красную птицу, и когда Чжао-ван спросил астролога, что значит это предзнаменование, тот посулил чускому правителю несчастье.

⁴ Правитель Цзе, который, прибыв ко двору луского Си-гуна, по мычанию коровы верно определил, что у нее родились три теленка, но все они уже принесены в жертву [4, с. 16].

записано в “Чунью”, это основывается на записанном в официальных документах, а не на дутым авторитете неких святых мудрецов. Будущий расцвет дома Шан стал известен благодаря ласточкиному яйцу⁵. Когда Вэнь-ван получил небесный мандат, появилась красная птица со свитком в клюве, это есть знак мудреца, знак того, что небо благословило дом Чжоу на престол, стоит ли называть это ничтожным? Чтобы понимать язык птиц, нужно мастерски разбираться в созвездиях, быть искусным в общении с духами сторон света, я не таков, скорее похож на Цзы-лу, который спрашивал учителя о смерти, не познав жизнь”. Чан-жэнь ответил: “Ваши слова красивы, но они сродни пустоцвету, я не осмеливаюсь поверить”⁶. Вскоре, когда сбылось то, что предвещал крик сороки, Чан-жэнь признал [правоту Гуань Лу]» [1, т. 2, с. 1164].

В данном пассаже речь идет о способности гадалеля рационализировать иррациональное, считывать те сигналы, которые подает Небо, расшифровывать знаки, с тем чтобы донести волю Неба до людей. Традиция истолкования разного рода знаков играла очень большую роль в жизни китайского общества, поскольку, дешифруя то, что Небо опосредованно сообщило путем знамений, можно было оценить в том числе и деяния правителей.

Сначала Гуань Лу был известен только у себя на родине, но постепенно слава о нем разнеслась далеко за пределами уезда, однако, учитывая, что он поражал воображение собеседников еще в юном возрасте, а в пятнадцать лет выиграл словесную дуэль у тайшоу Дань Цзычуня (см. подробнее: [1, т. 2, с. 1164]), ждать официального назначения на чиновничью должность пришлось довольно долго. В биографии Гуань Лу сообщается: «В то время соседи Лу не запирали ворот, никто друг у друга не воровал. Тайшоу Цинхэ по имени Хуа Бяо призвал Лу в качестве письмоводителя, а Чжао Кун-яо из Аньпина порекомендовал Лу начальнику округа Цзи по имени Пэй Хуэй со словами: “Лу наделен широкой натурой, он не питает вражды ни к кому из современников, в умении наблюдать за звездами он равен [великим астрономам] Гань-гуну и Ши Шэню, а когда он опускает голову и читает “Книгу перемен”, то равен [великому гадалелю] Сыма Цзи-чжу. Ныне ясно, что вы погрузились в глубины непостижимого и ваш дух задержался над водными просторами, и Лу предначертано удостоиться предвестия иньской гармонии и получить жезл государева свитского”. После такой рекомендации Хуэй призвал Лу к себе письмоводителем. Когда Лу привели к начальнику округа, тот отнесся к Лу очень хорошо и по-дружески. А когда отправился в Цзюйлу, то сделал так, что [Лу] попал в реестр чиновников в качестве помощника начальника округа. Когда Лу впервые откликнулся на призыв начальника округа, то ехал в повозке со своим учеником Цзи Жу. Добравшись до западного берега Учэн, Лу погадал, [чтобы определить, что их ждет впереди], счастье или несчастье, и сказал Жу: “В древнем городе мы встретим трех лис, это благоприятный знак”. Они продолжили путь, добрались до западного берега Хуанхэ и на углу крепостной стены древнего города действительно увидели трех лис, сидевших рядом у городской стены, оба

⁵ Цзянь-ди, совершая однажды со своим мужем жертвоприношение и моля о ниспослании ей потомства, увидела ласточку. Ласточка снесла для нее яйцо, проглотив которое, Цзянь-ди забеременела. Новорожденного мальчика назвали Се. Он был впоследствии принят на службу легендарным царем Яо, назначен главным советником по делам просвещения и получил удел в местности Шан, и от него якобы и пошел род шанских царей.

⁶ Отсылка к тексту 11 главы «Луньюя»: Цзы-лу спросил учителя, как служить духам умерших, на что Конфуций ответил: «Не зная, как служить живым, как можно служить мертвым». Тогда Цзы Лу спросил о смерти, на что получил ответ: «Не зная жизни, как можно познать смерть?».

они возрадовались, и правда в девятый год под девизом Чжэнши Лу получил степень сюэца» [1, т. 2, с. 1165]. В ту пору Гуань Лу было уже тридцать шесть лет. В неофициальной биографии Гуань Лу со ссылкой на Янь Сюйбо (閻續伯), который прекрасно знал исторические события и мастерски владел слогом, говорится, что Гуань Лу впервые стал известен за пределами собственного округа, когда нашел пропавшего быка: «Он погадал на черепашьем панцире о пропавшем у соседки быке и сказал, что надо идти на западную стену и оттуда высунуть голову и посмотреть. Наученная им женщина так и сделала и в результате среди множества могильных холмов увидела быка. Но она решила, что Лу сам спрятал быка, и обратилась с жалобой к чиновнику, чтобы дело расследовали. Когда поняли, что он узнал [о том, где находится бык] с помощью своего искусства, тогда о нем услышал и начальник округа Цзи Пэй» [1, т. 2, с. 1165].

Итак, в 248 г. Гуань Лу благодаря протекции Пэй Хуэя стал сюэцем, что требовало визита в Лоян. В итоге Гуань Лу снискал уважение и почет и среди столичных жителей. Если верить сведениям, внесенным как в официальную биографию, так и в неофициальную, в Лояне Гуань Лу познакомился с главным министром Хэ Янем (何晏 190–249 гг.), который в тот момент возглавлял сильнейшую группировку в правительстве, а значит был одним из самых влиятельных людей своего времени: «Двадцать второго числа двенадцатого месяца глава министерства чинов Хэ Янь пригласил Лу к себе, [еще один министр] Дэн Ян находился у него. Янь сказал Лу: “Я слышал, что вы искусны в интерпретации гексаграмм, попробуйте и мне погадать, чтобы узнать займу ли я три высших поста или нет?” Кроме того, он спросил: “Ночь за ночью я вижу во сне, как несколько десятков зеленых мух садятся мне на нос, я их гоню, а они не улетают, в чем смысл?”. Лу ответил: “Известно, что сова во всей поднебесной самая ничтожная из птиц, но когда она прилетает в лес и ест тутовые ягоды, то помышляет о добрых вестях для меня. Тем более мое сердце не из травы и не из дерева, как я могу быть нечестным? Давным-давно легендарные советники Шуня проявляли любовь, милосердие и гармонию, а когда помощники Чжоу-гуна стали ваннами, то [государю] можно было сидеть в ожидании рассвета и испускать свет в шести направлениях, и десять тысяч царств пребывали в покое. Это счастливое предзнаменование, которое выражается в 10-й гексаграмме “Книги перемен” под названием “Наступление”. Но это нельзя трактовать, гадая на тысячелистнике и костях. Должность советника государева тяжела, как горный пик, а власть подобна грому и молнии, однако тех, кто помнит о добродетели, мало, а тех, кто боится силы, толпы. Поэтому угроза состоит в том, чтобы без осторожности расточать милости. Ваш нос соотносится с гексаграммой “гэнь”, символизирующей гору. Высокая, но не крутая, поэтому вы сможете сохранить свое высокое положение. Зеленые мухи неприятны и отвратительны, и они собираются вокруг вашего носа. Стоящий высоко упадет, а слишком необузданный погибнет, нужно задумываться о периодах взлетов и падений. Вот почему триграмма “гора” под триграммой “земля” называется “смирением”, а триграмма “гром” над триграммой “небо” — “великой мощью”. Смиренный отнимает излишек и прибавляет к недостающему, а тот, кто обладает великой мощью, не соблюдает ритуалы и идет не той дорогой. Те, кто действует себе в убыток, добиваются славы и величия, а неправильное ведение приносит вред и поражение. Надеюсь, что вы, ваша милость, будете стремиться постичь смысл шести черт гексаграмм, описанных Вэнь-ваном, постигать смысл комментариев [к Ицзину], составленных Конфуцием, тогда и вопрос с тремя постами можно будет решить, и зеленых мух можно будет прогнать”. Дэн сказал: “Это

обычная болтовня старого книжника”. Лу сказал: “Старый книжник предвидит, что вам не жить, а болтун видит, что вы замолчите”. Янь сказал: “После наступления нового года снова увидимся”. Вернувшись домой, Лу пересказал разговор своему дяде. Дядя укорил его, что речи слишком категоричны. Лу сказал: “А какой смысл разговаривать с мертвецами?”. Дядя очень рассердился и сказал, что Лу сошел с ума. В первое утро нового года на северо-западе поднялся ураган, пыль закрыла небо, а через десять с небольшим дней они узнали, что Янь и Дэн казнены, тогда и дядя убедился [в правоте его предсказаний]» [1, т. 2, с. 1165]. Правда в неофициальной биографии утверждается, что Гуань Лу предсказал смерть двух министров не по сочетанию гексаграмм (сочетание гексаграммы № 15 «смирение» и гексаграммы № 34 «великая мощь» предостерегало: Хэ Янь узурпировал власть, и одно неловкое движение приведет к его падению и трагедии), а по чертам их лиц, по походке и манере держаться [1, т. 2, с. 1165].

В основе физиогномики, которая также входила в арсенал Гуань Лу, лежит все тот же принцип перевода иррационального на язык разума, о котором мы говорили выше в связи с другими гадательными практиками. Собственно, и свою преждевременную кончину Гуань Лу предсказал себе сам, буквально «считав» эту информацию со своего лица, о чем сообщается в его биографии: «Во второй год правления под девизом Чжэньюань младший брат Чэнь спросил Лу: “Великий полководец ждет тебя и намерен щедро тебе заплатить, ты хочешь богатства и славы?” Лу протяжно вздохнул и ответил: “Я знаю, что моего таланта хватит, но небо наделило меня талантом и пониманием, но не наделило долголетием, боюсь, я умру, не дожив до сорока восьми⁷ лет, и не увижу, как дочери выйдут замуж, а сыновья женятся. Если бы я мог этого избежать, то хотел бы стать начальником уезда в Лояне, я мог бы сделать так, чтобы на дорогах не поднимали потерянного и сигнальные колокола не издавали звуков. Но, боюсь, я отправлюсь на гору Тайшань управлять духами, а живыми людьми мне управлять не доведется, что поделаешь?”. Чэнь спросил, откуда это известно. Лу ответил: “У меня во лбу отсутствует “кость жизни”, а в глазах нет зрачка, у меня нет переносицы, в ступне нет “небесного основания”, спине не хватает “саньцзя”, а животу не хватает “саньжэнь”⁸. Все это признаки короткой жизни. Кроме того, я родился в третий год по циклическому календарю да еще и ночью во время лунного затмения. Небо посылает определенные знаки, которых нельзя избежать, просто люди их не понимают. За свою жизнь я предсказал смерти более ста человек и никогда не ошибался”» [1, т. 2, с. 1166]. К сожалению, предсказания Гуань Лу относительно собственной судьбы сбылись, и он скончался, не дожив до сорока семи лет, как и предвидел. Отрывок из неофициальной биографии звучит как некролог: «Хотя он и обладал ярким талантом, но ему выпала судьба бессмертного, поэтому, когда слава его стала яркой, то напоминала пламя, вспыхнувшее на сильном ветру. Все ученые мужи, кто находился у власти, лънули к нему, как ветви и листья. Приглашений было так много, как облаков, в честь него устраивали бесчисленные пиры. Будучи гостем, он не делал

⁷ В Китае возраст считался с момента зачатия, так что на самом деле Гуань Лу не дожил до сорока семи.

⁸ «Саньцзя» (三甲) и «саньжэнь» (三壬) — категории, которыми пользовались китайские гадатели по внешности, первая относилась к спине (данная характеристика применялась, если спина была плоская, но плотная), а вторая к животу (если нижняя часть живота была круглой и выступала вперед), считались признаками долголетия [5, с. 111].

разницы между простым и пышным приемом и ко всем относился учтиво. Повсеместно в столице были его последователи, но они не просто шли за его славой и силой, а всецело впитывали его добродетель. До преждевременной кончины Лу его славные дела были непостижимыми для современников. Младший брат Чэнь хотел научиться у Лу гадать на черепаховых панцирях и по звездам, но Лу сказал: “Этому легко нельзя научиться. Известно, что при гадании на черепаховых панцирях, если не дойдешь до совершенства, то не сможешь увидеть систему, а если не станешь искусным, то не увидишь Дао. “Канона сыновней почитательности”, “Книги песен” и “Бесед и суждений” Конфуция достаточно, чтобы занять три высших сановных поста, но они не пригодятся для познания”. Тогда Чэнь в своем желании остановился. Среди учеников Гуань Лу никто не мог продолжать его искусство» [1, т. 2, с. 1166].

Как отмечает Мейер, в определенном смысле Гуань Лу был героем своего времени. Родись он на столетие раньше, он вряд ли прославился бы за пределами Великой китайской равнины и уж тем более не был бы увековечен в династийных историях. В нестабильной политической обстановке периода Троецарствия Гуань Лу воплощал надежду и для тех, кто придерживался старых принципов, и для тех, кто ратовал за новые, являясь тонизирующим средством как для консерваторов, изо всех сил цеплявшихся за древность, так и новаторов, таких как Хэ Янь, и в его биографии стирается грань между историей и легендой (см. подробнее: [2, с. 74]).

Литература

1. Саньго чжи (Записи из истории трех царств, 三國志), разд. «История Вэй» (魏志), цзюань 29 // Эр ши у ши (Двадцать пять династийных историй). 二十五史. Шанхай, 1986. Т. 1–12.

2. Meyer A. Biography of Guan Lu // The human tradition in premodern China. SR Books, 2002. P. 57–77.

3. Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. Киев, 1993.

4. Чжао Бинь. Саньгочжи Гуань Лу чжуань чжу (цзесюань) (Избранные комментарии к биографии Гуань Лу в исторических хрониках Троецарствия) 趙彬。《三國志•管輅傳》注(節選) // Чжу Гэлян юй Саньго вэньхуа (Чжу Гэлян и культура периода Троецарствия)。諸葛亮與三國文化。Чэнду, 2002. № 1 卷. P. 16–18頁.

5. Се Луцзюнь. Чжунго гудай сяншу. (Древнекитайская физиогномика). 謝路軍。中國古代相術。Пекин, 2008.

Статья поступила в редакцию 31 мая 2011 г.